

ЕРОМИРЦЕВ СЕРГЕЙ

Алла

В оконное стекло хлестал дождь. Вагон был старого образца, ещё советский - дребезжал и трясся на стыках стрелок. Дверь в тамбур не закрывалась. В плацкарт врвался грохот колёс и особый, насквозь пропитанный табаком и углём, воздух.

Виктор сидел у окна, вглядываясь в непроглядную черноту ноябрьской ночи. На столике стояла запечатанная бутылка дорогой водки, два граненых стакана и пакет с закуской. Пить было не с кем - в вагоне он был один, не считая тощего долговязого проводника в мятой фуражке. Хотелось плакать, как в детстве - когда не только попало ни за что, а хуже того - никто и не сомневался в твоей вине.

Он так красочно представлял себе эту поездку - случайного попутчика, с которым раздавит пузырь, закусит мастерски приготовленной снедью (а ведь еще и хвалить будут стряпню его! Он же будет смущённо улыбаться и радоваться похвале). Как дойдут до нужной кондиции и сможет он, наконец, излить случайному своему попутчику всё, что накопилось в душе - всю тяжелую, радиоактивную воду последних двух лет. Опустошит душу, которая не выдерживала уже непосильного груза этого, грозя вот-вот разойтись по швам.

И - никого.

«Ни - ко - го»- по слогам произнёс Виктор и в который раз удивился слабости своего голоса. Он вздрогнул, провёл пальцем по запотевшему стеклу, начал было рисовать смешную рожицу, но ступевался и стёр набросок ладонью. За окном потек мелкий городишко, в бледных пятнах спящих домов и дежурных фонарей. Поезд дёрнулся и стал сбавлять ход.

Стояли недолго, минуты две- три. Виктор сидел в напряжении, вздрагивал от каждого звука - ждал. Должна, должна была улыбнуться удача! Он вслушивался в тишину - как пёс, встречающий хозяина с работы.

Лязгнула дверь, послышался голос проводника - мятый и бесцветный, под стать хозяину, а за ним - мягкий, сочный контральто.

- «Женщина»-расстроился Виктор и отвернулся.

- Двадцать третье, кажется здесь? - женщина осмотрелась и уверенно подошла к Виктору.

- Здравствуйте. Я - Ваша соседка. Алла - представилась она.

- Виктор, - неохотно протянул он и засовестился вдруг - помощь нужна?

- Спасибо, я налегке. Ложиться не собираюсь, так что и матрас не нужен. - Алла сняла мокрый плащ, хозяйски расположилась на нижнем сиденье напротив и включила свет. Виктор мельком глянул на неё и уже не смог отвести взгляда - напротив него сидела удивительной красоты, высокая стройная женщина лет тридцати пяти (на самом деле - старше - автоматически заметил он - но какова, а?!) и безуспешно пыталась расчесать роскошную копну мокрых рыжих волос.

- Хороша баба?!-засмеялась женщина.

-Ага- машинально и глупо подтвердил Виктор, смешался и покраснел.

Алла продолжала смеяться - открытым, заразительным смехом. Виктор несмело улыбнулся, затем расплылся в широкой улыбке и засмеялся тоже.

- А что это мы не пьём? - спросила, отсмеявшись, Алла. - водка стынет, стаканы сохнут. Непорядок.

- Да я не пью вообще-то - начал было Виктор.

- Да вижу, вижу, что не пьёшь - бутылка не почата.

Виктор даже не заметил, что попутчица перешла на "ты", хотел было объяснить, что не пьёт вовсе, но выходило как-то неловко и глупо, он опять смешался и не знал что делать с этой невесть откуда свалившейся на него рыжеволосой ведьмой.

- А я - пью, - выручила его Алла. - так что открывай и наливай. - Замёрзла я,- игриво, как ему

показалось, добавила женщина.

- Сок есть?.

- Есть- засуетился Виктор - вишневый вот и закуска.

Он суетливо стал распаковывать продукты и, занявшись делом - успокоился, взял себя в руки и вполне прилично сервировал импровизированный стол.

- Хороооош!- похвалила попутчица. - Ну, наливай за знакомство. Мне побольше сока, а себе - один сок.

Сам не зная почему - он послушался и разлил жидкости по стаканам. Они выпили, закусили и незаметно разговорились. Мужчина отмяк и постепенно, понемногу - словно осторожно снимая с раны присохшие бинты - рассказал всё. Про себя, Яну, любовь их сумасшедшую и - такой же сумасшедший, неожиданный и горький разрыв, дочку без отца, главу семьи без семьи, о рухнувших планах, бесплодных надеждах, о постоянной, ноющей боли, терзавшей его вот уже второй год.

Алла слушала - внимательно, сочувственно, не перебивая, лишь время от времени уточняла детали и кивала головой. Незаметно рука его оказалась в ее руке - Алла поглаживала ладонь, нежно, мягко - так мать гладит упавшего ребёнка, успокаивая и жалея. Слово за слово - Виктор рассказал ей всё. Он словно бы пьянел вместе с ней, без капли спиртного - расслабившись наконец и позволив накопившейся в нём тяжёлой, горькой и злой обиде - прорваться и выплеснуться, наконец, наружу - никому не причиняя вреда, принося опустошение и слабость уставшей душе. Полегчало, хотелось разреваться - как в детстве, только слёзы не шли.

- Ты поплачь, поплачь, Андрюш - мягко сказала женщина - полегчает.

- Виктор я,- начал было он и разревелся - сначала мучительно, разрывая душившие грудь невидимые оковы, затем и правда - как в детстве - легко и почти безболезненно. - Ну какой же ты сейчас Виктор?... - покачала головой женщина - так, в лучшем случае -Андрюша.

Он не помнил потом сколько все продолжалось - словно бы и вправду напился до беспамятства. Словно во сне он видел происходящее - как поднялся и пошёл за женщиной, когда та встала, потянулась, накинула на плечи подсохший плащ и сказала ему - пошли. Станция наша скоро, стоим минуте всего.

Не спросив - куда и зачем, он пошёл за ней. Вышел в молочную белую рань и зашагал следом, по усыпанной мертвой скользкой листвой грунтолке.

Дальше он помнил все какими-то обрывками. Вот раннее утро - хрупкая корочка инея на траве, незлое солнце и толстые зелёные стебли репейника у стены - Алла забирает у него телефон, кладёт на колоду и разбивает обухом топора - тем утром он колот дрова и складывал в поленницу.

- Стухло прошлое твоё. Чуешь - смердит? Вон его! В яму отхожую.

Он дёрнулся было спасти, но сразу как-то доверился ей, забрал обратно топор и продолжил работу.

Потом, уже зимой, он чистил снег во дворе - ночью намело до середины забора. И спохватился было, засобиравшись, стал искать вдруг документы, деньги.

- Ну что ты, что ты, Андрей? Куда засобирався? Краля твоя жениха себе ищет, звёзды спрашивает - путь указать просит. Не нужен ты ей сейчас, и она тебе не нужна - не отболел ты ещё. Хуже заразишься и погибнешь совсем. А знаешь что? Иди-ка, воды в баню наноси, а я затоплю. В бане будем мыться - вот что. Потом они, распаренные, успокоенные - пили квас и горячий чай с жидким липовым мёдом. Ночью он жарко ласкал её ладное, пахнущее дикими травами, нежное и податливое тело и засыпал - глубоким, сладким сном без сновидений.

Дни - словно флажки из новогодней гирлянды - яркие, красочные - нанизались на нить времени, радовали его - каждый. Каждый.

Как вдруг однажды - уже прилетели скворцы, снег оставался только в тени распадков, а на пригреве щурилось доброе апрельское солнышко и вдоль забора несмело пробивалась первая нежная травка - Алла незаметно подошла к нему сзади, обняла за плечи и негромко сказала

- Ты вот что, Вить, - он вздрогнул, настолько отвык от этого имени, повернулся к ней, взял ее за плечи и посмотрел в зелёные ее ведьминские глаза - нынче в них ни облачка, ни бесенят, ни искорки. Одна глубокая, бездонная зелень.

Слева ухнуло, заколотилось сердце и в голову ударила тягучая жирная горячая волна. - Ты завтра поезжай. Пора. Я тебе вещи собрала. Встанешь пораньше, позавтракаешь и как раз на городской автобус успеешь. Точно к поезду идёт. Развернулась - и ушла лёгкой своей, стелящийся походкой. Идёт - словно над землей скользит. Ночью она была необыкновенно нежна с ним. Спал он мало, утром - невыспавшийся, зевая, наскоро хватил пирожок с вишней - пекла она их божественно! - запил травяным душистым чаем и подошёл - обняться на прощанье. Алла выскользнула из его объятий, вышла на улицу и позволила обнять себя только у калитки.

- Ну, дальше не пойду. Дальние проводы - долгие слёзы, - прошептала она. - Иди с Богом, Виктор. Иди теперь на все четыре стороны - развернулась и к дому пошла.

- Я вернусь, Алла! - крикнул он - дела сделаю (какие дела? - мелькнуло на краешке сознания) и вернусь!

- Не возвращаются в прошлое, - не оборачиваясь, но так, что он услышал - сказала она и вошла в дом.

Лето было ласковым - тёплым, в меру дождливым и солнечным. Июль же начинался жарким. Пекло.

Возвращаясь на съемную квартиру, Виктор краем глаза заметил знакомый силуэт, но по инерции продолжал идти мимо

- Витя- закричала женщина, подбежала к нему, встала между ним и дверью в подъезд, вгляделась в него, заплакала и прижалась к нему вся, мокрым от слез лицом уткнулась в шею, стада целовать, целовать, целовать его - везде, без разбору, где попадали губы - ну нельзя же так - я вся извелась. Ты пропал, я не знала, что думать, все больницы, все морги обзвонила. Искала тебя везде, везде!

Идём, идём домой скорее. Маша тебя так ждёт, так рада будет. - Яна смотрела на него, удивляясь его реакции. Вдруг что-то поняла, залилась краской стыда и, наконец, по бабьи - навзрыд разревелась - ты все знаешь, да? Прости меня, прости меня, милый мой. Любимый мой, прости. Я не знаю что на меня тогда нашло. Я увлеклась, я знаю - теперь я всё, все знаю! Теперь мы будем вместе - всегда, всегда, всегда - она успокоилась, вытерла слёзы, неловко улыбнулась - Я некрасивая сейчас, да? Скажи, скажи мне, как раньше - ты самая красивая, даже когда некрасивая! Возьми меня на ручки, Вить. Помнишь - как раньше?

Виктор смотрел на эту красивую чужую женщину и не мог найти в ней черты той Яны, которую любил - безумно, беззаветно, преданно - как только может любить мужчина один раз в своей жизни. Женщину, которую он знал до кончиков пальцев - целуя каждый миллиметр такого родного тела, знал вкус и запах ее, каждую отметинку и чёрточку.

Смотрел на неё - и не находил свою Яну.

- Отойдите от меня - сухо и спокойно сказал он, незаметно для себя называя бывшую на "Вы" - Дайте пройти.

Мягко, но настойчиво, он отодвинул не, не дал войти за собой в подъезд и поднялся на первый этаж, в свою квартиру. Через некоторое время стали звонить в звонок, затем настойчиво стучать, послышался женский плач, переходящий в истерику, крики, голоса соседей.

Виктор не спеша переоделся, собрал рюкзак, документы и деньги, затем открыл окно и выпрыгнул во двор, на газон. Дворник - узбек что-то прокричал ему на ломаном русском, но Виктор уже не слышал его. Быстрым шагом он направился к метро, а затем - на вокзал.

Автобус пришёл поздним вечером. "Белая Зима" - прочёл он знакомое название, улыбнулся и пошёл вдоль речки. Вышел он на мостки у бани. Баня отчего-то съехала к воде, крыша покосилась. «Половодьем, видно - машинально подумал Виктор - надо будет поправить - поднялся на пригорок во двор и ахнул, увидев на месте дома - погорелище, с виду - старое.

Вымытые дождями чёрные блестящие вафли сгоревших брёвен, покосившиеся камни, бурьян в человеческий рост. Виктор три раза обошёл вокруг дома, узнавая и не узнавая знакомые места и все больше недоумевал, наконец вышел из ворот и направился было к деревенскому магазину невдалеке - расспросить соседей.

За воротами, на покосившейся лавочке сидел опрятный бородатый дедок и гладил пушистого рыжего котёнка.

- А где Алла? - неловко спросил Виктор.

- Это какая же? - переспросил дедок.

- Ну, такая- замялся Виктор, и показал на себе - такая - во!

Дедок засмеялся- таких здесь отродясь не было, какие были - все в город умотали. За красивой жизнью, во как.

- Да нет же! - не выдержал Виктор - Алла. Рыжие волосы такие длинные, густые, стройная. Стройная, высокая, грудь такая - во! Глаза зелёные такие, большие.

- Да ну тебя, - засмеялся было опять дед, потом вдруг посерьёзнел, посмотрел внимательно на него, задумался - вспоминая что-то хлопнул себя по лбу.

- Алла, точно! Ведьмой ее у нас звали. Так это когда было то - лет двадцать поди. Сгорела она ночью, и потушить не успели - разом занялось, не подойти было. Только знаешь, что - костей-то не нашли, во как! Но сгорела, точно тебе говорю. - Дедок вдруг поднялся, приложил руку к глазам - Во, автолавка, кажись приехала - надо бабку звать. - и неожиданно бодро зашагал в сторону магазина - Вчерашний день ищешь, паря - обернулся он, покачал головой и поспешил дальше.

Виктор в недоумении подошёл к остаткам крыльца, на котором они так часто стояли с Аллой, обнявшись - смотрели на закат, хватали ртом снежинки - хохотали, обжигаясь ледяной крошкой, шептали друг другу глупости на ухо, смеялись и грустили, молчали и обсуждали нехитрые деревенские новости. Крыльцу повезло больше - огонь его почти не тронул.

- Четыре ступеньки, четыре ступеньки - вслух пробормотали Виктор, положил цветы на верхнюю ступеньку, повернулся и пошёл прочь той же дорогой, что пришёл. Рыжий котёнок забрался на крыльцо, понюхал цветы, сморщился, зевнул и смешно завалился набок.

Пахло пылью и влажной вечерней травой. Закат догорел.